

18+

#КНО_ЛУЧШЕЕ

КАТЕРИНА НЕВСКОЕ-ОБЛАКО

СБОРНИК СТИХОВ
2021

Катерина Невское-Облако

#КНО_лучшее. Сборник стихов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65903081

ISBN 9785005505965

Аннотация

Катерина Невское-Облако – поэтесса из Санкт-Петербурга, резидент проекта «Литературная гостиная». Одно из её стихотворений украшает автобусную остановку на Каменноостровском проспекте, 81. В сборнике представлены лучшие тексты о любви, путешествиях, размышления на общефилософские темы. Книга уникальна тем, что все иллюстрации сделаны самой Катериной: одно из направлений её творчества – визуальная поэзия. Сборник понравится любителям светлой, искренней лирики, пронизанной настоящими чувствами.

Содержание

Вместо предисловия	6
Мысли на ходунках	8
Баланс	9
Мост	11
Японский садик	13
Саксофон	14
Эти шпили	16
В моих венах Нева	18
Чебурек	20
Петька	21
Ленинград	23
Чулан и хлеб	25
Космос в автобусе	26
Рыцарь	28
Башня	29
Шероховатое	30
Легенда о трёх морях	31
Клоун	33
2341 градус	34
Идеально!	35
33 реальности	37
Город	38
О расстоянии	40

Эстетика	41
Бруклинский мост	42
Сон	44
Орхидеи	46
Кофе	48
Сделка	50
Горечь	51
О пределах	53
Феникс	54
Дороги-круги	55
Вещие сны	56
Утро	57
Верь мне	58
Киндзмараули	60
Воин	62
Гора на плечах	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

#КНО_лучшее

Сборник стихов

Катерина Невское-Облако

© Катерина Невское-Облако, 2021

ISBN 978-5-0055-0596-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*спи... нас уже читали сегодня, нас
не занесли пока ещё в опечатки,
значит, не время чёрным твоим щеглам
смерть щебетать на аптечной кривой латыни,
спи – это звёзды катятся по щекам
белые, синие, красные, золотые...*

Сергей Шестаков

Вместо предисловия

Я росла на Queen и Led Zepplin в плеере,
Вырезала из старых журналов Вермеера,
Рембрандта – и мечтала, что стану художницей,
Под учебником математики прятала кисти, ножницы.

Когда ездили к югу с семьёй, я влезала на верхнюю
Полку в купе,
Не от старости ветхую,
И смотрела в окно, сняв очки с переносицы,
Как деревья – а может быть, годы? – проносятся.

Если признак взросления – пухлый пакет с пакетами,
Значит, мне не положено баловаться мольбертами,
Значит, детство прошло, и корабль космический
На футболке выглядит слишком комически,
Значит, мне, как любой балерине на пенсии,
Снять пуанты придётся —
Хоть это невесело.

Я пытаюсь сказать,
Что с тех пор, как выросла,
Моя жизнь убивает во мне корни вымысла,
А теперь ты приходишь
И будишь во мне уснувшее.

Я опять начала рисовать – будто не всё разрушено!

И когда ты в плацкартном вагоне

Уступаешь мне верхнюю —

Я люблю тебя больше, чем Фредди Меркьюри!

5`20

Мысли на ходунках

Кожа покрылась иголками,
Острыми, как шипы.
Взглядами-стрелами долгими
Воздух пронзаешь ты.

Сердце покрылось корочкой,
Крепкой, надёжной бронёй.
Ты, игнорируя поручень,
Падаешь вниз головой.

Память моя искалечена,
Мысли на ходунках.
После апрельской встречи мы
Оба теперь в дураках.

12`17

Баланс

Поймала за хвост равновесие,
Нашла наконец-то баланс.
Мне в белые ночи так весело
Единственный данный мне шанс
Сложить в самолётик – и по ветру,
Смеясь, со всех сил запустить.
В холодных объятиях города
Мне нечего больше любить.

10`17

ТЫ НАЧИНА
ЕШЬ МНЕ ДОЛ
ГО И МУТО
НО ПРОЧНОСТЬ
МОСТА ВЫИ
СЛЯТЬ. А Я
СТОЮ НА
МОСТУ! НАДО
РУПОРОМ, ЧТОБ
ДО ТЕБЯ ДО

КРИЧАТЬСЯ,
КРИЧАТЬ...

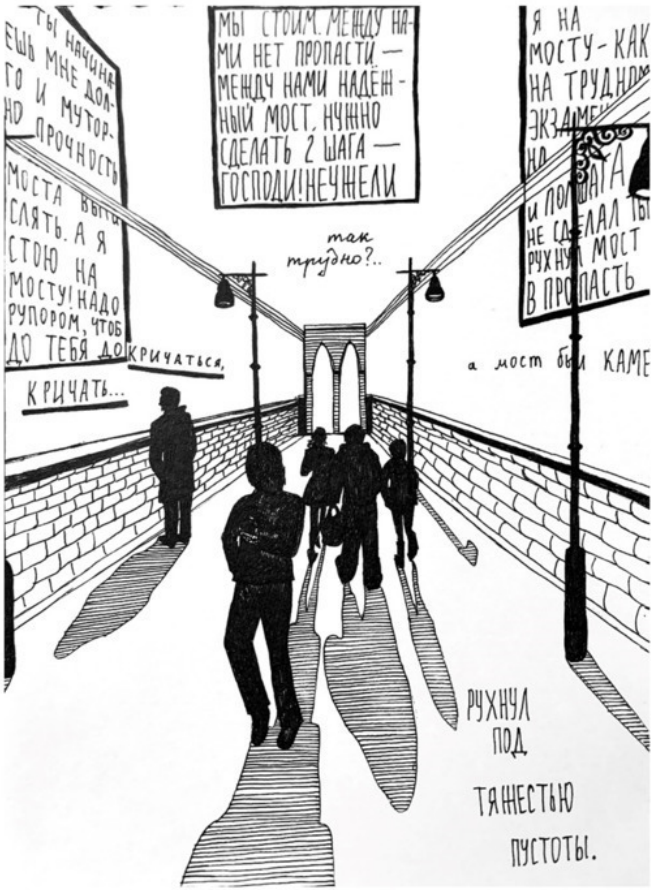
МЫ СТОИМ. МЕЖДУ НА
МИ НЕТ ПРОПАСТИ. —
МЕЖДУ НАМИ НАДЕЖ
НЫЙ МОСТ. НУЖНО
СДЕЛАТЬ 2 ШАГА —
ГОСПОДИ! НЕУЖЕЛИ

*так
трудно?..*

Я НА
МОСТУ — КАК
НА ТРУДНОМ
ЭКЗАМЕНЕ
НО
И ПОЛТАА
НЕ СДЕЛАЛ ТЫ
РУЖНУЛ МОСТ
В ПРОПАСТЬ

а мост был КАМЕ

РУЖНУЛ
ПОД
ТЯЖЕСТЬЮ
ПУСТОТЫ.

Мост

Мы стоим – между нами нет пропасти,
Между нами – надёжный мост.
Нужно сделать два шага – Господи!
Неужели так трудно оставить пост?

Мы стоим неподвижно. Я первая
Делаю маленький полушаг —
Тут же отскакиваю. Наверное,
Это – ловушка, засада, враг.

Ты начинаешь мне долго и мутно
Прочность моста вычислять.
А я стою на мосту – надо рупором,
Чтоб до тебя докричаться, кричать.

Я всё же делаю шаг и решительно,
Прямо смотрю на тебя.
Ты продолжаешь – и так убедительно! —
Мне говорить про меня.

Я на мосту, как на трудном экзамене.
Но и полшага не сделал ты.
Рухнул мост в пропасть – а мост был каменный! —
Рухнул под тяжестью пустоты.

Японский садик

В тумане раскрашенных сумерек
Мигают в окно фонари.
Ты знаешь, я словно кубарем
С высокой лечу горы.

Ты знаешь, я словно заживо
Внутри себя всё сожгла.
Перегорели важные,
Подлинные слова,

Остались блестящие фантики
Обёрточной мишуры.
Ты видел, в японском садике
Красивейшие пруды —

А больше сказать мне нечего.
И ты, ангел мой, промолчи.
Разбились однажды вечером
Мои и твои мечты.

Саксофон

Распятия перекрёстков,
Моторов ревущих стон.
На крыше бетонной высотки
Играет слепой саксофон.

В конвульсиях бьётся ливень,
Бросая пригоршни страз.
Ты можешь быть гордым и сильным,
Пока не полюбишь джаз.

Под утро горячий кофе
Дороже ночного вина.
Твой заспанный острый профиль
Мелькнул и исчез у окна.

Из баров под утро жуками
Ползут по домам лихачи.
Их лучше не трогать руками
И след не бросать кирпичи —

Романтике ночи послушные,
Они отрицают сон.
Их главная в мире отдушина —
Чуть хриплый слепой саксофон.

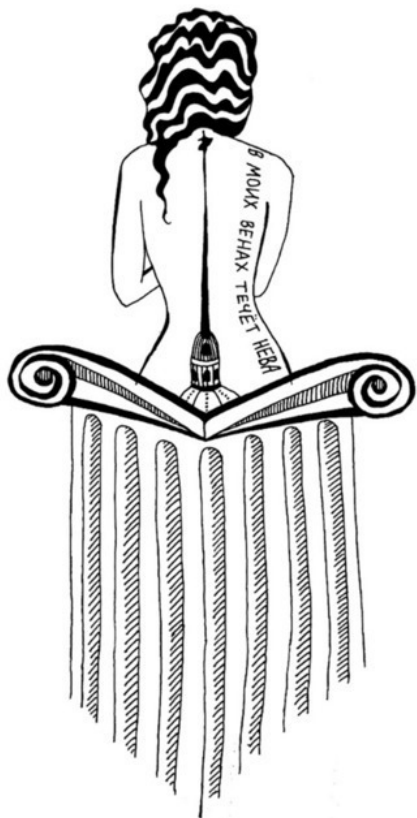
12`17

Эти шпили

Этим шпилям всего три века,
Это – юная слишком твердь.
Город так же, как человека,
Можно страстно и бурно хотеть.

Эту сизую, гордую реку,
Норовящую вечно восстать,
Можно так же, как человека,
До безумия жадно желать.

Этим воздухом-оберегом,
Обнимающим мягко дома —
Ха! В отличие от человека,
Не насытиться никогда.

В моих венах Нева

В моих венах течёт Нева.
Натянулась моста тетива —
Створкой выстрелит в ночь —
Чуть позже.

В позвоночник, как лодок киль,
Вшит литой Петропавловский шпиль.
Я – Дворцовой родная дочь
Площади.

Закрепились – и навсегда! —
Родинками острова
На предплечьях.

Я коплю твоих чаек крик,
Каждый ветром пропитанный миг
В печени.

Даже сизый и горький смог
Ты, мой ангел, так и не смог
Вытравить из моих лёгких.

Как прилипшая к соснам смола —
Я с тобой, даже если дела

Совершенно,
Из рук вон плохи.

Уже трио веков подряд
Ты и Питер, и Ленинград,
Между Русью и Балтикой шнур.

Залпом пушки в полуденный зной
Я взрываюсь в тебя. Ты – мой.
Я люблю тебя,
Петербург.

3`18

Чебурек

Я говорила ему о вечном,
О том, что он самый родной человек.
Он мне сказал: «Будь другом, дай кетчуп», —
И продолжал уплетать чебурек.

Я говорила ему о важном,
О жизни и смерти, о правде и лжи.
Он мне сказал, развалившись вальяжно
У телевизора: «Не мельтеши».

Я говорила ему так много
О мире, который ужасно кругл.
Повисло молчание. Думаю: понял! —
Рано обрадовалась: уснул.

Петька

Петька сидел на камне и смотрел на море.
Камень казался теплее, чем русская печка дома.
Камень, казалось, был ему верным другом —
Он всегда приходил к нему, когда трудно.

Петька совсем не слабак, но он больше не может
Видеть вокруг себя жадные, пьяные рожи.
Он решает сбежать – будет жить по своим законам,
Наберёт себе армию, изобретёт корону.

Петькин первейший враг – собственная неграмотность.
Петька едет учиться, убивая в себе свою слабость.
Он мечтает о северном, призрачном море...
Он его отвоюет. И город себе пострит!

Петька прошлому режет безжалостно вены:
Если нужно – поборет и турок, и шведов,
Если нужно – он небо проколет высокой спицей,
Позолоченным символом новой морской столицы.

Для него это Кремль – заросшее гнилью болото,
А не Невского гимна журчащие, свежие ноты.
У него, очевидно, не кровь, а никель.
И не Петька он вовсе —

А император
Пётр Великий.

3`18

Ленинград

Я не прожила тех отравленных дней,
Когда был в беде Ленинград.
Я счастлива видеть улыбки детей,
А не умирающий взгляд.

Мне не было страшно спуститься во двор,
Здороваться с каждым встречным.
Я счастлива слышать в домах разговор —
Не дикие вопли картечи.

Я с каждым закатом ложилась в кровать,
Уверенная в завтра.
Я счастлива ленточку надевать —
А не униформу солдата.

И рядом со мною – отец и мать,
Два любящих, добрых сердца.
Я счастлива голод лишь понаслышке знать,
А не из блокадного детства.

Завидовать нечему – я не хвалюсь,
Гордиться собой – излишне.
Я каждой строкой за солдат помолюсь —
За ангелов, город хранивших.

Чулан и хлеб

Ты попросила чулан и хлеб —
И всё сполна получила.
Рядом, за стенкой, хромой сосед —
В общем-то, тоже мужчина.

Бог милосерден – просящим даст
Каждому по заслугам.
Не поднимая к иконам глаз,
В молитве слагаю руки.

Сколько накосит усердный жнец —
Столько получит хлеба.
Ты попросила чулан. Я – дворец
И не хромого соседа.

Злишься от шума богатых карет,
Но в злости совсем нет толка.
В следующий раз попроси не хлеб,
Если решишься только.

Космос в автобусе

Медью рассыпались волосы
На угловатые плечи.
В сонном ночном автобусе
Еду опять до конечной.

В этом своя эстетика —
Грустные пассажиры,
Порванные билетки,
Поручней жёлтых жилы.

В раннеапрельской мороси
Все забывают про возраст.
Еду в земном автобусе,
Втайне мечтая про космос.

Рыцарь

В доме твоём старомодный, но прочный паркет.
Рыцарь в блестящих доспехах состарился на -дцать лет.
В спальне твоей наша крепенькая кровать —
Я не могу на неё посмотреть и соврать,
Мол, с тобою я счастлива здесь была —

А затем вдруг легко соврала.

Рыцарь в блестящих доспехах уже не тот:
От половины принцесс морщит нос и кривит он рот.
Рыцарь капризничает, разыгрывает короля —
Только я вижу в нём не более, чем осла.
Смотрит в упор на меня, разогнав своих фей —

Только я тебе, Рыцарь, не новый трофей.

Башня

С каждым шагом моим башня движется влево
И грозит небесам разъярённо своим кулаком.
У меня – только старые, стёртые кеды
И гортанный, не выкашлянный ком.
Каждый полдень на башне чихает пушка,
Но беззлобно – ядра-то в утробе нет.
Это – города нашего погремушка
И забава не первую сотню лет.
Каждый грешник того или этого света
Будет в Невском приходе прощён.
У меня за душой – только эти вот парапеты...
Но если счастье не в этом,
То в чём?

Шероховатое

Мир без тебя неуютен, шероховат,
То слишком узок, то широковат.
Вынуть тебя – так сразу и шах, и мат,
Не хочется ни Синдбадов, ни Шахерезад,
Не хочется ни эклеры, ни шоколад —
А хочется, чтобы ты был спокоен и рад.

Легенда о трёх морях

Говори со мной этой простудной ночью,
Расскажи мне легенду о трёх морях.
Голос твой терпкого рома горче,
Он баюкает и прогоняет страх.

Расскажи о законе стихийных крещений —
Только тот, кто три моря бесстрашно пройдёт,
Может надеяться на прощенье
И безоблачный горизонт.

В первом море не волны – звери,
Пастью рифов корабль грызут.
Во втором – едкий дым застилает берег,
Чёрный, масляный, как мазут.

В третьем – дьявольская воронка,
В сахар крошит железный борт.
Не помогут здесь ни иконка,
Ни талантливый звездочёт.

Говори со мной ночью холодной, ржавой,
Ты – прошедший проверку моряк.
Мне же, как никогда сейчас слабой,
Эти три моря

Ещё предстоят.

5`18

Клоун

У него безымянный палец давным-давно в золоте,
И правой рукой он вцепился в запястье жены.
А глаза так и бегают, и миру кричат о голоде! —
Том, что душит его каждую ночь изнутри.

Он не больше, чем клоун в одежде с блёстками.
За стеной его спальни играет в солдатов сын.
Он лежит на измятой и тёплой простыни.
Ему кажется, он в целом мире, в галактике всей один.

Каждый вечер его клоунесса готовит ужины,
Шаркает тапочками, в тарелки вливает щи.
Он хотел бы стать добрым и ласковым мужем, но
При каждой попытке внутри у него всё трещит.

И история этого мягко-тряпичного клоуна
Так же безынтересна, как раннеапрельский ил.
Он хотел бы избавиться от безымянного золота,
Но ему никогда не достанет на это сил.

2341 градус

Я, как видишь, довольно среднего роста,
Да и сердце у меня маленькое.
Хоть исправно чеканит то семьдесят, то девяносто,
А не больше, чем мартовская проталинка.

Потому и любовь у меня, честно признаюсь,
Крохотная – да удаленькая!
В ней две тысячи триста сорок один градус,
Она крепкая. Неразбавленная.

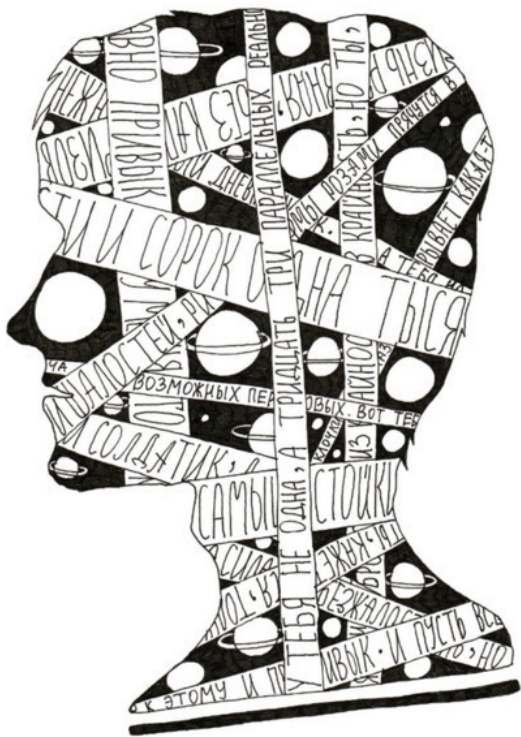
Правда, милый, хлебнул бы ты лучше водки! —
Не стоял бы тут изваянием...
Но ты молча любовь мою стопку за стопкой,
Как лекарство, с улыбкой глотаешь каменной.

У тебя от зелья глаза – как звёзды,
И горят они синим пламенем.
Я, как видишь, довольно среднего роста,
Но любовь моя
Неисчерпаема.

Идеально!

У меня всяких разных талантов полно,
Но вершина всего – кулинарный:
Я готовлю глнтвейн. Разогрела вино
И подумала: идеально!

12`18

33 реальности

У тебя не одна,
А тридцать три параллельных реальности,
Сорок две тысячи возможных передовых.
Вот тебя и бросает из крайности в крайности,
Но ты, кажется, только к этому и привык.

У меня-то жизнь ровная, без капризов и шалостей,
Рифмы розами прячутся в нежный дневник.
А тебя на клочки разрывает какая-то сила безжалостно,
Но ты, кажется, только к этому и привык.

И хоть все варианты историй
Давно превратились в банальности,
Ломятся полки от веса всё новых и новых книг.
В этом мире, я думаю,
Без исключения все со странностью,
Но кто-то воюет с собою, кто-то лишь только жалуется,

А ты, самый стойкий солдатик, давно привык.

Город

Под колёсами поезда потом блестели рельсы.
Этот Город рыдал, когда я ворвалась к нему.
В сероглазой кофейне тихонько мурлыкали песни,
А на полках пылились Шатобриан и Камю.

Этот Город напуган напористой, дерзкой эпохой,
Он грустит о вчерашнем, таком не далёком дне.
Он молчит, он зажмурился:
Новое выйдет боком! —
Лучше всё по старинке, как делали бабка и дед.

Я совсем не похожа на местных модниц:
Мне не грустно неделями жить одной.
Они всё вычисляют,
Сколько мне будет стоить,
Если я не сломаюсь, останусь собой.

Ты мне нравишься, Город, но я устала.
У тебя всё по плану,
А мне нужен сбой.
Этот город смеялся всем каменным сердцем вокзала,
Когда тронулся поезд, меня увозивший домой.

О расстоянии

Давай назовём друг в честь друга детей
Да на этом и успокоимся.
Из всех наших счастливых совместных дней
Не получится даже пояса.
Между нами – хотя и не пропасть, но даль степей:
Двенадцать часов поездом.
И не поможет тут хлипенький мост над ней,
И тем она хуже пропасти.

Эстетика

Я всегда и во всём за эстетику —
Без неё всё как будто сине.
Любовь, а не ваша косметика
Для глаз лучшая терапия.

Врачи пичкают витаминами
И другую несут окоlesiцу.
Глаза смотрят в глаза любимого —
И вылечиваются.

8`18

Бруклинский мост

С Бруклинского моста люди прыгают пачками —
Тридцать пять душ по статистике каждый год.
И все – из-за разбитых сердец.

Им кажется, это конец,
Но вода, как назло, прозрачная,
И смутно виднеется дно.
А на дне – только тина и камешки,
Никаких переломанных тел.
Так может быть, это – старт?

Да мало ли что говорят.

Как только наступишь на краешек,
Вдруг вспомнишь, чего хотел.

С Бруклинского моста люди пачками прыгают,
Лишь успевай считать,
Сыплются в быструю воду горохом в суп.

А мне вдруг подумалось: сколько же тут
Тех, кто после прыжка всё же вынырнул?

Надеюсь, больше, чем тридцать пять.

Сон

Мне сегодня приснился сон.

Отче приходит к Дьяволу, говорит:

«Этот мир навсегда убит.

Этот мир воскресить нельзя.

Оставляю его для тебя».

Дьявол с гордостью бросил Отче:

«Если ты этот мир не хочешь,

Отчего ты принёс его мне?

Для меня он давно не в цене.

Я бы взял себе пару душ,

Остальное всё – мрак да глушь».

Отче с Дьяволом поговорили

И вдвоём отреклись от мира.

Одному он тщедушен и мал,

А другой от него устал.

Мир катился по Небесам —

Сам.

«Это сон», – утешаю себя саму.

Только сна ни в одном глазу.

Орхидеи

Выверну душу, крикну:

«Ловите, распотрошите!
Как старую скучную книгу,
Как прошлого пережиток,
Как шкуру прогнившую волчью,
За то, что писать не умею!»

На мною пропитанной почве
Потом расцветут орхидеи.

Кофе

На рассвете так хочется думать о чём-то важном,
А по факту – думаешь,
Как дожить до ближайшей кофейни.
Ты стараешься всё по ЗОЖу, готовишь кашу,
Но по принципу противоречий
В стакан наливаешь вермут.

В полдень хочется вовсе не думать, поставить точку,
Выйти на улицу, в парках впиваться в воздух.
А по факту – потуже затянешь ошейник-цепочку
Своих офисных будней. А жить скоро станет поздно.

Вечером хочется слушать любимый голос,
А по факту – включаешь заезженный плеер.
Хочется стать знаменитой, сострять за вечер повесть,
Но не зря говорят, что утро всегда мудрее.

Ночью приходит сюжет: как положено, ниоткуда,
А по факту – бредовый сон,
Воплотившийся в смутном слове.
Ты мечтаешь его записать и оставить себе, но утром
Ты по принципу подлости думаешь только о кофе.

Сделка

Мой друг продал совесть по пьянке дьяволу —
А от него и не ждали совсем ничего хорошего.
Теперь по негласным похмельным правилам
Сидит и плачет...

...что продал дёшево.

10`18

Горечь

Воздух горче, и хочется чаще молчать,
Чтоб не выплюнуть злое от холода и сгоряча.
Кто-то студёной хваткой берёт за горло,
Что-то ломает внутри у тебя, рыча.

Копьями чёрных солдат поднимаются в небо кроны.
И ты тоже воюешь – только не выходя из дома:
Собираешь себя по осколочкам и кирпичам...
Тут уж что выросло.
Время сейчас такое.

У кого-то в садах зреют слива и алыча,
У тебя растёт только груз на больных плечах
И количество спрятанного по избе сора.
И не знаешь, кого больше хочется: стриптизёра
Или врача...

Помнишь, тебе говорили про свет в конце коридора?
Скоро всё вокруг станет белым —
Пора выходить из комы.
Слабости есть у каждого.
Засчитаем «0:0» – ничья.

Научиться вставать придётся.

Время сейчас такое.

10`18

О пределах

Ты идёшь то ли против системы, то ли против людей,
То ли против себя, презирая за каждую слабость.
У тебя тоже должен быть некий условный предел,
Но ты столько разрушил,
Что вряд ли там что-то осталось.

Ты идёшь напролом, но всегда не уверен, куда —
Потому что во всём и везде вечно видишь одно и то же.
Ты готов поменять континенты, страны и города
В идиотских попытках сбежать от того, что под кожей.

Ты наденешь любимые джинсы,
Пойдёшь на десятый расстрел
И в десятый раз выживешь, с пуль не спуская взгляда.
Существует ли небо, в которое ты взлетел? —
Ты смеялся, минируя путь обратно.

Феникс

Написала б про лютики и ромашки,
Если б только умела быть проще.
Я ведь каждую маленькую промашку
Пропускаю сквозь кровь и кожу,
Прогораю внутри до пепла,
Своей болью играя в тетрис.

Но теперь поднялась я, окрепла —
Я же феникс, любимый.
Феникс.

11`18

Дороги-круги

И дороги-то наши – круги,
И пуста, неуютна обитель.
Но я буду читать о тебе стихи,
Пока в зале есть хоть один зритель,
Даже если глаза у него не твои,
И чужая улыбка, и имя его незнакомо.
Но я верю: он станет моим кислородом
В задымлённом подвале твоей любви.

11`18

Вещие сны

Ей твердили с младенчества: «Ты – кремень,
Ты не плачешь, ты молча латаешь бреши».
И она стала крепче железобетонных стен,
Без изъянов, осколочков, дыр и трещин.

Сердце алое море гоняет по струнам вен.
Даже в чёрные дни не сутулятся хрупкие плечи.
Ей привили способность вставать каждый раз с колен:
«Ты – кремень. И ты знаешь, что роботам легче».

И ей снился в кошмарах безоблачный летний день
И обычные, грустно-мирские вещи.
Она вскакивала, крича, и не сразу ложилась в постель.
«Это сон», – повторяла.

Но сон был вещим.

Утро

Утро городу заплетает косы.
Оно знает ответы на все вопросы,
Только нам их, конечно, не даст.

Хочется быть сенсацией, а не вбросом.
Но то ли ты недостаточно взрослый,
То ли правда никчёмный балласт.

10`18

Верь мне

Верь мне, верь мне: всё это было —
Пахло почвой и детским мылом,
Под окном твоей спальни росла крапива
И коленки пурпурным жгла.

Мы сидели на лестнице, ели сливы,
Мама пол на веранде мыла,
Пирогги разных форм и начинок стыли
На дубовой ладони стола.

Верь мне, верь мне: был луг с полынью,
А в мешках золотились дыни
С сединою вчерашней пыли,
Как волшебником спрятанный клад.

Мы гордились, что мы всеильны,
И у нас с тобой были крылья.
Верь мне, верь мне! Всё это было,
Только сто разрушительных лет назад.

Но теперь-то мы победили!
Пахнет сном, земляничным мылом,
И кусается жгуче крапива,
И слезится от счастья взгляд.

Киндзмараули

Два столетья в гостях у тебя уснули.
В изразцовой печи над поленьями пляшет мак.
Снег метёт. Неоткрытое Киндзмараули —
Всё, как нам завещал Пастернак.

Хороводом дубовым от нас разбежались стулья.
На столе – то ли книга, то ли масонский знак.
У тебя – взгляды-ленточки, а не пули,
Ты колдуешь, как наидобрый маг.

Перебрался в хоромы, покинув родимый улей.
Ты из тех, кто рискнёт сделать первый шаг.
Между нами витает пьянящий дух Киндзмараули.
На полу растянулся багряным пятном пиджак.

Этот вечер – нахальный, бессовестный жулик!
Он украл три часа, нам презрительно бросив пятак.
Ночь пришла и, его подменив в карауле,
Развернула над городом звёздно-черничный флаг.

Тёмной лупой таращится Киндзмараули,
Опустев, словно крохотный топливный бак.
Я тебя на прощанье три раза легко поцелую.
Ты забудешь наутро меня, как пустяк.

12`18

Воин

Слушай, Воин! Шёл бы ты на войну,
А не в баре сидел в уютном таком тылу.

Ты так рад за Отечество, будто сам воевал в Крыму,
Будто видел своими глазами окопы и нищету,
Будто полз по изрытому битым стеклом двору,
На своей спине таскал раненную детвору.

Ты так рад победить, словно беды все сами умрут,
Если выволочь в поле, заставить сражаться страну.

Ты всей жалкой душонкой за то, чтоб решать в бою
То, что можно решить, если совесть призвать свою.

Слушай, Воин! Шёл бы ты на войну!

Посмотрел бы, как падает замертво лучший друг,
Посидел бы в засаде до обморожения рук
Да послушал, как пули рисуют узоры вокруг,
А от грохота залпов забыл бы, где север, юг,
Кто ты есть, где твой дом, как тебя зовут.

Ты бы понял, какой это тяжкий труд —
Просыпаться среди ночи в холодном поту

И не знать: это рядом с тобой – уже труп,
Или он всё же встанет потом поутру.

Вот тогда ты бы мирно пришёл к столу,
Разобрал бы бумажек и писем руду,
Всем ответил бы, выход нашёлся б вдруг,
И порвался порочный военный круг.

Но ты прячешься в тёплом, уютном тылу,
Лишь по радио слушаешь про войну.
Что ты знаешь о ней, если ты не прошёл по дну?
Разглагольствовать легче всего в окружении слуг,
На удобном диване, с бокалом редчайшего брют.
Они там умирают, пока ты тут.

12`18

Гора на плечах

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.